

ДАНИИЛ ХАРМС

Полет в небеса

Собрание
сочинений
в трех
томах

Том 1

Собрание сочинений в трех томах

Даниил Хармс

**Собрание сочинений.
Том 1. Полет в небеса**

«Азбука»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+6

Хармс Д. И.

Собрание сочинений. Том 1. Полет в небеса / Д. И. Хармс —
«Азбука», 2020 — (Собрание сочинений в трех томах)

ISBN 978-5-389-19331-4

Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писал Маршак, «классическую основу»? Хармса, как одного из самых неординарных и парадоксальных писателей XX столетия, читают и изучают в России и за рубежом, однако и по сей день его работы остаются в числе самых удивительных загадок русской литературы. Бесспорным остается необыкновенный талант автора, а также его удивительная непохожесть – ничего подобного ни в России, ни за рубежом не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет... В первый том настоящего Собрания сочинений Даниила Хармса включены стихотворения, переводы и драматические произведения. Составление, вступительная статья и примечания Валерия Сажина Тексты публикуются в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией. Ранее настоящий том выходил под названием «Авиация превращений».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+6

ISBN 978-5-389-19331-4

© Хармс Д. И., 2020
© Азбука, 2020

Содержание

С классической основой...	5
Стихотворения	9
1925	9
1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло	9
2. От бабушки до Esther	11
3. Наброски к поэме «Михаилы»	12
4. Говор	15
5. Землю, говорят, изобрели конюхи	16
6. Кйка и Кбка	19
7. «Тише целуются...»	20
8. Сек	21
1926	23
9. Полька затылки (срыв)	23
10. Выюшка смерть	24
11. Ваньки встаньки <I>	26
12. Ваньки встаньки <II>	27
13. Половинки	32
14. «в репей закутаная лошадь...»	35
15. Конец героя	36
16. Казачья смерть	37
17. «друг за другом шёл народ...»	39
18. Ответ Н. З. и Е. В.	40
19. Случай на железной дороге	40
20. Пророк с Аничкиного моста	41
21. Скупость	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Даниил Хармс

Собрание сочинений. Том 1. Полет в небеса

С классической основой...

Вспоминая о Д. Хармсе, которого привлек к работе для детских журналов, С. Маршак говорил о нем как человеке «с абсолютным вкусом и слухом и с какой-то – может быть, подсознательной – классической основой»¹. Можно по-разному интерпретировать понятие «классической основы» у Хармса, но несомненные данные об освоении им предшествовавшей словесности говорят, по крайней мере, о литературной школе высочайшего уровня. Даже самые ранние записные книжки писателя (1925–1926) полны библиографических записей о книгах Пушкина, Достоевского, Лескова, Чехова. В большом списке стихотворений, которые Хармс в эту пору знал наизусть, – имена Блока, Гумилева, Сологуба, Ахматовой, Маяковского, Есенина². Это было, несомненно, освоение и усвоение самых разнообразных творческих явлений, которые не могли в дальнейшем не трансформироваться в собственном творчестве Хармса.

Сложность отыскания у Хармса следов этого усвоения связана с основополагающей его установкой на тотальную инверсию и решительный уход от любых прямых значений. «Ухо на щеке» (II, 2)³ – можно сказать, эмблема всего хармсовского творчества. И всякий раз загадка: откуда это ухо, так сказать, съехало на щеку.

Не стоит, разумеется, и преувеличивать зашифрованности текстов Хармса: в них достаточно прямых цитат и прозрачных реминисценций из произведений Пушкина, Гоголя, Козьмы Прутова, Достоевского, Блока и др. При этом наиболее эффективный путь отыскания связей текстов Хармса с предшествовавшей ему «классической» литературой лежит в области ономастики: имена, отчества и фамилии хармсовских персонажей впечатляюще свидетельствуют о прочности таких связей.

Вообще тексты Хармса густо населены персонажами с именами и фамилиями. По нашим подсчетам, Хармс использует более 330 фамилий и более 130 имен. Многие из них повторяются (причем в разнообразных комбинациях).

Статистика наиболее употребляемых имен персонажей (5 и более раз) такова (в порядке убывания): Иван – 45 (в т. ч. 9 Иванов Ивановичей); Петр – 37 (в т. ч. 5 Петров Павловичей); Мария – 29; Николай – 23; Антон (и женский вариант Антонина) – 20; Федор – 16; Владимир – 13; Михаил (в т. ч. 2 Михеля) – 13; Андрей – 10; Анна – 9; Елизавета – 9; Наталья – 8 (в т. ч. 2 Натальи Ивановны); Сергей – 7; Александр (и женский вариант Александра) – 7; Ольга – 6; Пантелей – 6; Алексей – 5; Нина – 5; Марина – 5.

Наиболее употребляемые фамилии персонажей (3 и более раз): Петров – 12; Петраков (в т. ч. Петраков-Горбунов) – 8; Бобров (в т. ч. 3 Антона) – 6; Козлов – 6; Окнов – 5; Пирогов (и женский вариант Пирогова) – 5; Палкин – 4; Комаров – 4 (в т. ч. Камаров); Пузырёв – 4; Пятаков – 4; Колпаков – 3 (в т. ч. Колпаков); Липавский – 3; Макаров – 3; Никандр (и вариант Никанор) – 3; Семёнов – 3.

Частота воспроизведения одних и тех же имен и фамилий порой инициирована у Хармса ближайшим окружением – родственниками и друзьями. Среди них, конечно, надо отметить его постоянных друзей и единомышленников Л. Липавского (1904–1941) и Александра Вве-

¹ Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1972. Т. 8. С. 509.

² См.: Хармс Д. Полн. собр. соч.: <В 5 т. 6 кн.>. СПб., 1997–2002. <Т. 5>. Кн. 1. С. 35.

³ Здесь и далее – отсылки к томам настоящего собрания (римскими цифрами) и соответствующим номерам текстов (арабскими).

денского (1904–1941); Марину Малич, вторую жену писателя (1912–2002); теток: Марию Ивановну (1882–1943) и Наталью Ивановну Колюбакиных (1868–1945) и сестру Елизавету (1909–1994); псевдоним Николай Макаров был у Н. М. Олейникова (1898–1937).

Вместе с тем множество данных свидетельствует о литературном происхождении имен и фамилий и способах их сочетания и функционирования в произведениях Хармса.

Нельзя не заметить у него многочисленных парных персонажей: Козлов – Окнов, Петров – Камаров, Машкин – Кошкин, Пакин – Ракукин, Пузырёв – Бобырёв, мистер Пик – мистер Пак, наконец – Фадеев – Калдеев – Пепермалдеев. Это совершенное подобие явления, не раз уже отмеченного в литературе о поэтике Гоголя. У него находим: дядя Митяй – дядя Миняй, Фома Большой – Фома Меньшой, Карп – Поликарп, Перхуновский – Бербендовский, Добчинский – Бобчинский и др. Эти так называемые «двойчатки» у Гоголя являются и в сочетаниях имени и отчества: Антон Антонович, Акакий Акакиевич... У Хармса это явление приобретает гомерические размеры: Адам Адамыч (I, 347), Алексей Алексеевич (II, 193<11>) и даже Алексей Алексеевич Алексеев (II, 114, 161), Андрей Андреевич (II, 156, 193<16>), Антон Антонович (I, 348; II, 15, 91, 138), Федор Федорович (II, 63), Семен Семенович (II, 133, 193<6>), Николай Николаевич (II, 141). Особый разговор об Иванах Ивановичах. Выше отмечено, что имя Иван в текстах Хармса и относительно и абсолютно занимает первое место. Это сопрягается с высокой частотой появления Иванов у Гоголя. Степень населенности Иванами произведений Гоголя можно представить даже только по одним «Игрокам», где слуга Гаврюшка перечисляет дворню своего хозяина: «Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван – тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий...»⁴ При этом число совпадений в сочетании этого имени с соответствующими отчествами у Хармса и Гоголя настолько велико, что не может быть случайным: Иван Яковлевич, цирюльник в «Носе» Гоголя, который «проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба» (III, 44), – и три Ивана Яковлевича у Хармса (II, 68, 125, 135); Иван Антонович, заведующий крепостной канцелярией в «Мертвых душах», – Иван Антонович у Хармса (II, 43); Иван Петрович, главный герой в «Утре делового человека», – Иван Петрович Лундапундов (II, 14); Иван Андреевич, почтмейстер в «Мертвых душах», – Иван Андреевич Редькин у Хармса (II, 142); Иван Григорьевич, председатель палаты в «Мертвых душах», с которым, по словам Чичикова, он очень приятно провел время, – Иван Григорьевич Кантов (II, 7); Иван Федорович (Шпонька) – Иван Федорович в рассказе без заглавия у Хармса (II, 27). Особое место, как сказано выше, занимают и у Хармса и у Гоголя Иваны Ивановичи. У Гоголя это: хозяин квартиры, которую в пору своей бедности нанимал художник Чартков («Портрет»); крестный отец Акакия Акакиевича («Шинель»); один из гостей помещика Сторченка, к которому приезжает Иван Федорович Шпонька; его высокопревосходительство («Утро делового человека»); наконец, один из главных персонажей «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». У Хармса, как отмечено выше, это персонажи девяти текстов (I, 1, 343, 344; II, 114, 140, 193<26>; III, 1 и др.), причем Иван Иванович Никифоров – это явная контаминация гоголевских Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича.

Что же касается других «двойчаток» у Хармса в соотношении с гоголевскими, то можно сопоставить его Антонов Антоновичей (см. выше) с Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским («Ревизор»); Федора Федоровича Колпакова (см. выше) с двумя Федорами Федоровичами у Гоголя (барин в сцене «Лакейская» и начальник отделения Леницын во 2-м томе «Мертвых душ»).

С гоголевским влиянием, вероятно, следует связать и несколько достаточно экзотических для хармсовского времени имен персонажей. Имя кучера и слуги Селифана из «Мертвых

⁴ Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1959. Т. 4. С. 161. Далее ссылки на это издание с указанием римскими цифрами тома и арабскими – страниц.

душ» трижды встречается у Хармса (II, 158, 192.12, 27; в последнем случае это более правильное воспроизведение старообрядческого по своему происхождению имени Селиван); отставной офицер Никанор Анучкин из «Женитьбы» встретится у Хармса (I, 138, 152; II, 39; сюда причисляем и вариант этого имени Никандр); Андрон из «Мертвых душ» (V, 198) появится в виде Андрония у Хармса (I, 143).

Наконец, должны быть отмечены «гоголевские» фамилии в произведениях Хармса: Пирогов, поручик, неудачно ухаживающий за хорошенькой блондинкой («Невский проспект»), трижды встречается у Хармса (I, 343; II, 43 и черновой набросок); помещик Бобров, о котором вспоминает Коробочка в «Мертвых душах» (V, 47), трансформируется у Хармса в шестерых Бобровых (среди которых и отмеченная выше «гоголевская» «двойчатка» Антон Антонович); Бобов, о котором говорится в «Записках сумасшедшего» (III, 184), появится в качестве главного персонажа в неозаглавленном рассказе Хармса (II, 135)⁵.

Обследование под углом зрения ономастики совпадений в текстах Хармса с произведениями другого его любимого писателя – Достоевского, безусловно, должно учитывать также то, давно уже ставшее аксиомой, положение, что сам Достоевский находился под значительным влиянием гоголевской поэтики и ее пародированием преодолевал это влияние. Поэтому, разумеется, у Достоевского встречаем всё те же «гоголевские» «двойчатки» в наименованиях персонажей и прочие, отмеченные выше свойства, в проявлении которых у Хармса невозможно отделить влияние Гоголя от Достоевского. Скажем, вышесопоставленные у Хармса и Гоголя Антоны Антоновичи присутствуют и у Достоевского в «Записках из подполья» и «Записках из Мертвого дома»; Федоры – в «Бедных людях» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Ивановичи – в «Селе Степанчиково...» и «Записках из Мертвого дома»; Иваны Петровичи – в «Униженных и оскорбленных» и «Романе в девяти письмах»; Иваны Андреевичи – в «Чужая жена и муж под кроватью» и «Романе в девяти письмах».

Наряду с этим в наименованиях персонажей у Хармса и Достоевского находим и оригинальные совпадения: Семен Семеныч у Достоевского («Крокодил», «Преступление и наказание») встретится также в двух текстах Хармса (см. выше); Иван Матвеевич («Крокодил» и «Записки из Мертвого дома») имеется и у Хармса (I, 35); Елену Ивановну («Крокодил» и «Преступление и наказание») обнаруживаем у Хармса (II, 4); Фома («Село Степанчиково...» и «Господин Прохарчин») – одно из любимых хармсовских имен (II, 19, 29, 42); по два раза появляется имя Тимофей у Достоевского («Бедные люди» и «Крокодил») и Хармса (II, 193<29>); отмеченной высокой частоте имени Петр у Хармса корреспондируют Петры у Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Роман в девяти письмах», «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «Преступление и наказание»); кухарка Пелагея, являющаяся во сне в «Как опасно предаваться...» Достоевского, встретится и у Хармса (II, 1; едва ли не в той же функции); многочисленные хармсовские Елизаветы (см. выше) находятся и у Достоевского («Чужая жена и муж под кроватью», «Записки из подполья», «Преступление и наказание»); Глафиру из «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского найдем у Хармса (I, 159); многочисленные хармсовские Андреи (см. выше) у Достоевского присутствуют в трех произведениях («Двойник», «Господин Прохарчин» и «Преступление и наказание»). Обращает на себя внимание то, что из «Крокодила» Достоевского у Хармса встречаются имена всех действующих лиц (за исключением немца). Укажем также на многочисленные совпадения в фамилиях персонажей Достоевского и Хармса: Тюльпанов из Достоевского («Село Степанчиково...») появится в двух текстах Хармса (I, 73, 108; в первом случае – прямая аллюзия на произведение Достоевского); Пузырёв («Чужая жена и муж под кроватью») – в трех прозаических текстах Хармса (II, 107 (вариант), 114; III, 70); многочисленным Петровым у Хармса (см. выше) найдется однофамилец и

⁵ О гоголевских мотивах у Хармса см.: Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern... 1991 (в перев. на русский язык.: СПб., 1995) – по указателю; Сажин В. Тысяча мелочей // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 96–98.

у Достоевского («Записки из Мертвого дома»); в том же произведении Достоевского имеется Орлов, которого также встретим у Хармса (II, 193<2>); там же – Михайлов, который дважды встречается у Хармса (II, 148, 193<2>); Марков из «Бедных людей» обнаруживается у Хармса (II, 193<24>); в том же произведении Достоевского имеется Ермолаев, которого найдем и у Хармса (II, 126); Блинову из Достоевского («Как опасно предаваться честолюбивым снам») отыскиваются однофамильцы в двух произведениях Хармса (II, 126 и примечание); наконец, в «Записках из Мертвого дома» встретим еще две фамилии, Антонов и Гвоздилов, которые есть и у Хармса (соответственно II, 68; III, 87); бросается в глаза, наряду с «Крокодилом», большое число совпадений фамилий персонажей «Записок из Мертвого дома» с произведениями Хармса.

За пределами представленных ономастических параллелей располагается обширное поле исследования того, как мотивы и сюжеты Достоевского интенсивно трансформируются у Хармса⁶. Оснований для такого исследования множество. Достаточно, например, отметить такую «хармсовскую» сцену в «Неточке Незвановой» Достоевского: «...я упала на улице и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о том, как рассердится матушка. Между тем я чувствовала ужасную боль в левой руке и не могла встать. Кругом меня остановились прохожие; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчик, пробежавший мимо, ударил меня сапогом в голову» (*Достоевский Ф. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972. Т. 2. С. 161*). Можно обратить, например, внимание на параллель такой впечатляющей детали «Старухи» Хармса, как неведомо куда отлетевшая челюсть мертвой старухи, со сном Степана Петровича Верховенского в «Бесах» Достоевского, в котором ему является раскрытая челюсть: М. С. Альтманом эта деталь у Достоевского интерпретируется как крайняя степень опасности, по народному поверью предвещающая близость смерти⁷.

Достойны параллельного сопоставления сны у Достоевского и Хармса; эротические коннотации мотива насекомых у обоих писателей⁸; соотношение у них частоты употребления слова «вдруг»⁹ и еще целый ряд важнейших для обоих писателей мотивов и свойств их поэтики.

Таким образом, ассоциирующееся с Хармсом понятие «авангардного писателя», которое предполагает обновление языка, поэтики, самого взгляда на мир, не только не отменяет фундаментальной классической основы его творчества, но она уже обнаруживается и еще должна быть выявлена в таком масштабе, что самое понятие «авангарда» применительно к творчеству Хармса потребует существенных корректировок.

Валерий Сажин

⁶ Можно назвать лишь несколько работ, в разной степени предваряющих масштабное исследование этой темы: Jovanovic M. Случай Раскольникова и его отголоски в русской советской прозе: (пародийный аспект) // Zbornik za slavistiku. 1981. № 21. P. 46–48; Cassidy S. Daniil Kharm's parody of Dostoevskii: anti-tragedy as political comment // Canadian – American studies. 1984. № 18. P. 268–284.

⁷ Альтман М. С. Пестрые заметки // Достоевский: Материалы и исследования. З. Л., 1978. С. 189.

⁸ У Достоевского этот аспект рассмотрен: Бэлиен Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.

⁹ Применительно к Достоевскому см.: Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления: («Преступление и наказание») // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris, 1973. P. 225–302.

Стихотворения

1925

1. О том как иван иванович попросил и что из этого вышло

Посвящается Тылли и восклицательному знаку

иван иваныч расскажи
кйку с кбкой расскажи
на заборе расскажи

ты расскажешь паровоз
почему же паровоз?
мы не хотим паровоз.

лучше шпилька, беренда́
с хи ка ку гой беренда
завертёла беренда

как то жил один столяр
только жилистый столяр
мазал клейстером столяр

делал стулья и столы
делал молотом столы
из орёшника столы

было звать его иван
и отца его иван
так и звать его иван

у него была жена
не мамаша, а жена
НЕ МАМАША А ЖЕНА

как её зовут теперь
я не помню теперь
позабыл те – перь

иван иваныч говорит
очень умно говорит
поцелуй^{10*} говорит.

¹⁰ В оригинале стоит непреличное слово. (Примеч. автора.)

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я с тобою не хочу
делать это не хочу
потому что не хочу.

иван иваныч взял платок
развернул себе платок
и опять сложил платок

ты не хочешь, говорит
ну так что же, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

я совсем не для тебя
не желаю знать тебя
и плевать хочу в тебя.

иван иваныч поглупел
между прочим поглупел
у усикирку поглупел

а жена ему сюда
развернулась да сюда
да потом ещё сюда

в ухо двинула потом
зубы выбила потом
и ударила потом!

иван иванович запнулся
так немножечко запнулся
за п... п... п... п... п... пнулся

ты не хочешь, говорит
ну так чтоже, говорит
я уеду, говорит

а жена ему: нахал!
ты муж и нахал!
убирайся нахал!

и уехал он уехал
на извозчике уехал
и на поезде уехал

а жена осталась тут
и я тоже был тут
оба были мы тут.

Даниил Заточник (Хармс)
1925 ноябрь

2. От бабушки до Esther

баба́ля мальчик
трéстень гúбка
рукой саратовской в мыло уйду
сыры́м седéньем
щéниша ва́льги
кудрявый носик
платком обут —
капот в балах
скольжу трамваем
Владимирскую поперёк
посельницам
сыру́нду сваи
грубить татарину
в окно.
мы улицу
валу́нно ла́чим
и валенками набекрень
и жёлтая рука иначе
купается меж деревень.
шлён и студень
фарсится шляпой
лишь горсточка
лишь только три
лишь настеж балериной снята
и ту́кается у ветрин.
холодное бродяга брюхо
вздывается на костыли
резиновая старуха
а может быть павлин
а может быть
вот в этом доме
бабаля очередом
канды́жится семью попами
соломенное ведро.
купальница

поёт карманы
из улицы
в прыщи дворов
надушенная
сёлю рябчика
распахивается
под перо —
и кажется
она Владимирская
садится у печеря
серёжками —
— как будто за город
а сумочкою —
— на меня шурóванная
так и катится
за ба́баля калеты́
репейником
простое платьеце
и ленточкою головы —
ПУСТЬ
— балабошит ба́бушка
БЕЛьгию и блены
пусть озирает до́хлая
ро́станную полынь
сердится кошечкой
около кота
вырвится вырвится
вырвится в лад
шубкою о́конью
ля́женьем в бунь
ма́ханьким пе́рси́ком
вихрь табáнь
а́льдера шишечка
ми́ндера буль
у́лька и фа́нька
и ситец и я.

ВСЁ

<1925>

3. Наброски к поэме «Михаилы»

I Михаил

крю́чником в окошко
скáндит скáндит

рубль тоже
ма́ху кинь
улитала кенорем
за папаху серую
улитали пальцами
ка́ – за́ – ки́
лезет у́тером
всякая утка
шамать при́сну
бла́ – гослови
о – ко – я́нные
через пояс
пояс у́ткан
пояс у́бран
до зарёзу
до Софии.
ду́ет ка́пень
Симферополя
ши́ре бо́рова русси́
из за мо́ря
ва́ром на́ поле
ва́жно фылят
па́ – ру́ – са́.
и текло́
текло́
текляно
по немазанным усам
разве мало
или водка
то посея – то пошла
а́ се го́ дня́ на́ до́ во́т ка́к
до́ по́с ле́д ня́ го́ ко́в ша́

II Михаил

Ста́нем би́ться
по гуляне
пред ико́ною ами́нь
руковицей на колéни
заболе́ли мужики.
вытерали боро́дою
блю́дца
было боя́зно поро́ю
огляну́ться
над ерёмой становился
камень
я́фер

он кабылку сюртука́ми
забоя́ферт —
— и куда твою деревню
покатило по гурта́м
за ело́вые дере́вья
задевая тут и там.
Я держу тебя и холю
не зарежешь так прикинь
чтобы правила косою
возле моста и реки
а когда мостами речка
заколо́дила тупы́ш
иесусовый предте́ча
окунается тудыж.
ты мужик — тебе пахаба
только плюнуть на него
и с ухаба на ухабы
от иконы в хоровод
под плясу́лю ты оборван
ты ерёма и святы́й
заломил в четыре горла
— дребеждящую бутылъ —
— разве мало!
разве водка!
то посея — то пошла!
а сегодня надо вóт как!
до последнего ковши.

III Михаил

па́жен хо́лка
мамина була́вка
че́ — рез го́ — ловы
после завтра
если на вера́н — ду
о́зера ману́ли
ви́дел ра́но
ста́ — ни́ — сла́в
ву́лды а́лые
о́ — па́ — саясь
за дра́ жа́ли
на́ ки́ та́й
се́рый выган
пе́ ту́ ха́ ми́
станислаиву
ша́р ку́ ну́
бин то ва́ла

ты́ моя карбошлка
ты мой па́рус
ко ра лёк
залетуи́ля
за ру ба́шку
ма ка ро́ны
бо́ сй ко́м
зуб аку́лий
не пока́жет
не пока́жет
и сте – кло́
ляда па́хнет пержимо́лью
альмана́хами нога́
чтобы пе́ли в комсамо́ле
парашу́ты и ноган
чтобы лы́ко станицла́ву
возноси́ло балабу́
за московскую заста́ву —
пар ра шу́ ты
и но га́н
из пеще́ры
в го́ру
камень
буд – то
в титю́
мо ло ко
тя́нет го́лы – ми рука́ми
по́сле за́вта
на́ – ба́л – ко́н
у́ ко – го́
те́ перь не вста́нет
возле пу́па
го́ – ло́ – ва́
ра́зве ма́ – ло
или во́д – ка
то посе́я
то пошла́
а́ се го́д ня́ на до́ во́т ка́к
до́ пос лед ня́ го́ ко́в ша́.

ВСЁ

<1925>

4. Говор

Откормленные лы́лы
вздохнули и сказали

и только из под банки
и только и тютю
катитесь под фуфёлу
фафалу не пермажте
и даже отваляла
из мякиша какá —
— косы́нка моя у́лька
пода́рок или сй́тец
зелёная салóнка
чаничка купры́ш
сегодня из под а́нды
фуфы́лятся рука́ми
откормленные лы́лы
и только
и тютю.

ВСЁ

<1925>

5. Землю, говорят, изобрели конюхи

Посвящаю тем, кто живет на Конюшенной.

вступ

вертонú финикию
зерном шелдонú
бисирéла у закáта
криволи́ким типунóм

полумёна зырыня́
калиту́шу шельдонú.

начало

приоткрыла портсигары
от шумовок заслоня
и валяша как репейник
с'ел малиновый пирог
чуть услыша между кресел
перочёнье рандáша
разгогулину повесил
варинцами на ушах
Ира маленькая кукла
хочет кáкать за моря
под рубашку возле пупа
и у снега фанаря
а голубушка и пряник

тянет крышу на шушу
живота островитяне
финикийские пишу

Зелено́ твоё ры́ло
и труба́
и корыто зипунами
барабан
полетели панталоны
бахромой
чудотворная икона
и духи
голубя́тина не – надо
überall
подарила выключатель
и узду

а ку́ха́ми ниже́т а́лы – е
торапи́ покое был
..... даже пальму строить надо
для руины кабалы
на цыганах уводи́ла
али жмы́хи полови́
за коню́шни и уди́ла
фароона́ми зовя
финики́я на гото́ве
перехо́ды полага́жу
магоме́та из коню́шни
чепра́ками выво́жу
валоа́мова осли́ца
пароди́ла оку́нят
везе́лбна́ми больни́ца
ше́раму́ра оки́ня
и ко́вшами гы́чут ла́до
зе́млю паха́ря бы́лин
..... даже пальму строить на́до
для руины кабалы

Сы́на Авроа́мова
о́ндрия гунты́
по́том заше́ло́мила
бухну́ла гурты́
ма́монта забу́ля
ле́да кара́бин
о́тарью капи́лища
о́трок на русси
буса́ми ма́ла́нится
пени́стая мовь
шле́пая в предба́ннице

лысто о порог

нЫне португалия
тОже сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги
уранила вырицу
тоже сапоги
калала девочка
тОже говорит

а лен – ты
дан – ты
бур забор
лови
хоро – ший
пé – рехóд
твоя колода
пе – региб
а пá – рахода
сá – поги

надо кйкать лукомóрье
для конюшенной езды
из за острова Амóнья
винограда и узды
и рукой её вертели
и руина кабала
и заказаны метéли
золотые купола

и чего-то разбеля́нет
кацавейкою вдали
а на небе кораблями
пробегали корабли

надо кйкать чернозёмом
а на́йкавшись втрубу
кумачёвую алёну
и ру́ину кабалу

не смотри на печенéгу
не увидешь кочерги...

..... а в залётах други́ми спáржами
телегра́ммою на версты́
алекса́н – дру так и кажется
кто-то кйкает за кусты́
..... целый день до заката вечера

от парчи до палёвок князовых
встанут челяди изувечено
тьмами синими полуазии
..... александра лозят арабы
целый остров ему бовёкой
александр лозит каравль
минотавра и человека
..... и апостола зыда маслом
через шею опракинул
в море остров в море Патмос
в море шапка финикии.

ВСЁ

<1925>

6. Кика и Кика

I

Под логоть
Под коку
фуфу

и не крякай
не могут
фанфары
ла-апошить
дебасить

дрынь в ухо виляет
шаплё ментершула
кагык буд-то лошадь
кагык уходырь
и свящ жвикавиет
и воет собака
и гонятся листья
сюды и туды

А с неба о хрящи
все чаще и чаще
взвильнёт ви ва вувой
и мрётся в углынь

С пинёжек зирели
потянутся кокой
под логоть не фукай!

под ко́ку не плюй!

а если чихнётся
губа́стым саплю́ном
то Кíка и Кóка
такой же язык.

II

Черуки́к дощёным ша́гом
осклаб́ясь в улы́бку кíку
распу́шить по ветрову́лу!
разбежа́ться на траву
обсусаленная фíга
буд-то кíка
на парóм
буд-то па́па пилигри́мом
на камету́ у́скакал
а́у деа́у дербады́ра
а́у деа́у дерраба́ра
а́у деа́у хахети́ти
Мо́нна Ва́нна
хочет пить.

III

шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп
шлѐп шляп.

ВСЁ

<1925>

7. «Тише целуются...»

Тише целуются
— комната пуста —
ломками изгибами —
— полные уста: —
ноги были белые:
по снегу устал.

Разве сандалии
ходят по песку?
Разве православные
церкви расплесну?
Или только кошечки
Писают под стул?

Тянутся маёвками
красные гробá
ситцевые девушки —
по́ небу губа;
кружится и пляшется
будто бы на бал.

Грудь как головы
тело — молоко
глазом мерцальная
солнцем высоко...
Бог святая троица
в небо уколол.

Стуки и шорохи
кровью запиши;

там где просторнее
ку́киши кушй:
Вот по этой лесенке
девушкой спешил.

Ты ли целуешься?
— комната пуста —
Так ли сломáлися
— полные уста?
:Ноги были белые:
по снегу устал.

ВСЁ

<1925>

8. Сек

gew. (Esther)

И говорит Мишенька
рот открыв даже
— шйишиля кйишиля
Я в штаны ряжен. —

Н ты эт его
финьть фаньть фуньть
б м пильнео
фуньть фаньть финьть

Иа Иа Ыа
Н Н Н
Я полы мыла
Н Н Н

дриб жриб бобу
джинь джень баба
хлесь хлясь – здóрово —
раздай мама!
Вот тебе шйшелю!
финьть фаньть фуньть
накося кишелю!
фуньть фаньть финьть.

ВСЁ

<1925>

1926

9. Польша затылки (срыв)

писано 1 января 1926 года

метит балагур татарин
в поддёвку короля лукошке
а палец безымянный
на стекле оттаял
и торчит гербом в окошко
ты торчи себе торчи
выше царской колончи

распахнулся ёрлик бубой
сели мы на бочку
рейн вина
океан пошёл на убыль
в небе кичку не видать

в пристань бухту
серую подушку
тристо молодок
и сорок семь
поют китайца жёлтую душу
в зеркало смотрят
и плачат все.

вышел витязь
кашей гурьевой
гужил зймку
рыл долота
накути Ерёма
вздуй его
вздулась шишка
в лоб золотая

блин колокольный в ноги. бухал
переколотил на четвёртый раз
суку ловил мышиним ухом
щурил в пень
солодовый глаз.

приду приду
в Маргоритку
хлопая заторами

каянский пру
пáлáшáмí
кáлику едрит твою
около бамбука
пальцем тпр

скоро шаровары позавут татарина
книксен кукла
полька тур
мне ли петухами
кика пú подарена
чíрики боярики
и пальцем тпр

зырь манишка
пúговицей плíсовой
грудку корявую
ах! обнимай
а в шкапу то
ни чорта лы́сого
хоть бы пóлки
и тех нема.

шея заболела на корону ўбыла
в жаркую печку затылок утёк
не осуди шерстяная публика
громкую кичку¹¹
Хармса – дитё.
Хармса – дитё.

ВСЁ

Даниил Хармс
1926, 1 янв.

10. Вью́шка смерть

Сергею Есеницу

ах вы сéни мои сéни
я ли гúсями вяжу́
прíходил ко мне Есéнин
и четы́ре мужика́

и с чегó-бы это ра́доваться
ло́жкой сту́чать

¹¹ именно кичка а не кличка. (Примеч. автора.)

пошивеливая пáльцами
гру́сть да печа́ль

как ходи́ли мы ходи́ли
от порóга в Кишинёв
проплева́ли три неде́ли
потеря́ли кошелёк

ты Серге́жа рукомóйник
сары́нь и дуда́
разохотился по мóйму
совсе́м не туда́

для тебя́ ли из кореже́ны
ору́жье шты́к
не тако́й ты Серге́жа
не тако́й уж ты́

по́й – ма́й
щёки ду́ли
скарлотину́ перламúтр
из за во́рота подúли
Váter Unser – Líeber Gótt

я пляса́ла сокола́ми
возле де́рева кругóм
ноги то́пали пляса́ли
возле де́рева кругóм

размога́й меня заты́ка
на кало́ше и ведре́
походи́-ка на заты́лке
мимо за́пертых дверей

гу́ли пели́ ха́лваду́
чири́кали до́ ночи́
на́ засеке до́лго ду́мал
кто поёт и брови чинит

не по́ полу пе́рвая
залудила́ пе́рьями
сперва́ чем то ду́дочным
вро́де как уха́бица́

полива́ла сы́пала
не ве́рила лебе́дямí
зашу́хала кры́льями
зуба́ми затóпала

с э́тако́го по ма́тери
с э́такого ку́барем
в обни́мку целу́ется
в о́чи ва́лит бли́ньями

а лета́ми плю́й его́
до бе́лой доски́ и сядь
добреду́ до Клу́бева́
обра́тно заки́нуся́

проты́нкой за ро́дину
за ма́тушку ле́вую
у де́рева то́ненька
за Ду́нькину пу́говку́

пожури́ла де́вица
неве́ста сику́рай
а Се́рёжа де́ревце́м
на груди́ не кла́няется

на груди́ не кла́няется
не бу́кой не вече́ром
посыпа́ет о́коло
сперва́ чем то ду́дочны́м

*14 января 1926
Даниил Хармс
Школа чинарей Взира́ зѣцуми*

11. Ваньки встаньки <I>

волчица шла дорогаю
дорогаю манашенькой
и камушек не трогала
серебрянной косой
на шею деревянную
садились человечики
манистами покрашенными
где-то высоко́.

никто бы и не кланялся
продуманно и холодно
никто бы не закидывал
на речку поплавок
я первый у колбдица
нашёл её подохлую
и вечером до кузова
её не повалок

стонала только бабушка
да грядка перестóнывала
заново ерóшила
капустных легушат
отцы мои запенелись
и дети непристойные
пускали на широкую
дорогу камыши

засни засни калачиком
за синей гололедицей
пруда хороший перепел
чугунный домовый
щека твоя плакучая
румянится цыганами
раскидывает порохом
(ленивую) войну

идут рубахи рыжики
покрикивают улицу
веревку колокольную
ладошки синяки
а кукла перед ужином
сырому тесту молится
и долго перекалывает
зубы на косяк

я жду тебя не падаю
смотрю – не высыпаюсь
из маминой коробочки
на ломаный сарай
обреж меня тапориком
клади меня в посудину
но больше не получится
дырявая роса —

ВСЁ

Даниил Хармс
4 февр. 1926 г.

12. Ваньки встаньки <II>

ты послушай ка карась
имя палкой перебрось
а потом руби направо
и не спрашивай зараз

то Володю то Серёжу
то верёвку павар
то ли куру молодую
то ли пово́ра вора

Разбери который лучше
может цапаться за тучи
перемыгой серебром
девятнадцатым ребром
разворачивать корыто
у собачий конуры
где пупырыши нерыты
и колеблется Нарым

Там лежали Михаилы
вонючими шкурами
до полуночи хилые
а под утро Шурами

и в прошлую среду
откидывая зановеси
прохожему серому
едва показались

сначала до плечика
румяного шарика
а после до клетчатых
штанишек ошпаривали

мне сказали на́ ушко
что чудо явилось
и царица Матушка
сама удивилась:

ах как же это милые?
как же это можно?
я шла себе мимо
носила дрожи

вошёл барабанщик
аршином в рост
его раненная щека
отвисала просто

он не слышит музыки
и нянин плач
на нём штаны узкие
и каленкоровый плащ

простите пожалуйста
я покривил душой
сердце сжалось
я чужой

— входит барабанщик небольшого роста —

ах как же это можно?
я знал заранее
— взял две ложки —
— ВЫ ИЗРАНЕНЫ. —
— ЗАНОВЕСЬ

собака ногу поднимает
ради си ради си
солдат Евангелие понимает
только в Сирии только в Сирии

но даже в Сирию солдат не хочет
плюет пропойца куда то
и в Сирию бросает кочень
где так умны Солдаты

ему бы пеночки не слизывать
ему бы всё: «руби да бей»
да чтобы сёстры ходили с клизмами
да чтобы было сто рублей

солдат а солдат
сколько тебе лет?
где твоя полатка?
и твой пистолет. —

кнѹчу в прихвостень кобыле
хоть бы куча
хоть бы мох
располуженной посуды
не полю не лужу
и в приподнятом бокале
покажу тебе ужѹ!

Едет мама серафѹмом
на ослице прямо в тыл
покупает сарафаны
и персидскую тафту

— солдат отворачивается и больше не хочет разговаривать —

открылось дверце подкидное

запрятало пятнашку
сказало протопопу Ною:
— позвольте пятку вашу —

я не дам пятку
шнельклопс
дуй в ягоду
шнельклопс

разрешите вам не поверить
я архимандрит
а вы протопоп
а то рассержусь
и от самой Твери
возьму да и проедусь по полу

он рас-стегивает мундир
забикренивает папаху
и садится на ковёр
и свистит в четыре пальца:

пью фюфюлы на фуфу
еду мальчиком а Уфу
щекати меня судак
и под мышку и сюда
йхи блохи не хоши
пуфы ббже на матрасс.

за бородатым бегут сутуленькие
в клетки пугается коза
а с неба разные свистульки
картошкой сыпятся в глаза

туды сюды
да плеть хвоста
да ты да я

да пой нога
считает пальцами до ста
и слышит голос: «помогай»
обернулся парусом
лезет выше клироса
до месяца не долез
до города не дошёл

обнимались старушки плакали
замочили туфли лаковые
со свечой читали Лермонтова
влюбились в кого го то кавалера там

на груди у него солнышко
а сестра его совушка
волоса его рыжие
королеву прижили
может кушать рябчика
да и то только в тряпочке
у него две шашки длинные
на стене висят...
Господи Помилуй
свят свят свят

— черти испугались молитвы и ушли из Гефсиманского сада, тогда самый святой человек сказал: —

здорово пить утрами молоко
и выходить гулять часа так на четыре
О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий.

ПОСЛУШАЙТЕ
сегодня например
какой то князь сказал своей любовнице:
— иди и вырый мне могилу на Днепре
и принеси листок смаковницы —

Она пошла уже козалошь в камыши
Но видит (!) князь (!) за ней (!) бежит (!)
кидаёт сумрачный ноган
к её растерзанным ногам
прости-прости я нехороший
раз 2 3 4 5 6 7ю..... (быстро)
а сам тихонько зубы крошит
как будто праведный совсем

О человек! исполни сей закон
и на тебя не вскочит чирий
метаёшь рубашками в загон —
как говориться в притче:
— плен духу твоему язычник
и разуму закованная цепь —

— за кулисами говорят шёпотом, и публика с трепетом ловит бабочку. Несут изображение царя. Кто то фыркает в ладонь и говорит: блинчики. Его выводят —

Выйди глупый человек
и глупая лошадь
на Серёже полаче
и на Володе тоже
стыдно совестно и неприлично

говорить блинчики
а если комната вдобавок девичья
то нужно говорить как-то иначе
— Все удовлетворены и идут к выходу —

ВСЁ

ДаНИил Хармс
1926 г. 11 февр.

13. Половинки

присудили у стогов
месяцем и речкою
и махнула голова
месяца голова
толстою ручкою

позавидовала ей
баба руку ей
позавидовала баба
корамыслами
на дворе моём широком
вышивают конаплёй
дедка валенками шлёпает
и пьёт молоко

позавидовала я
вот такими дулями
и родила меня мать
чехардой придорожною
а крестил меня поп
не поп а малина —

вся то распосадница
бабкина бухта
лавку закапала
вороньим яйцом
больно родимая
грудью заухала
мыльными пузырьками
бацьке в лицо

ахнули бусы
бабы фыркали
стукала лопата
в брюхо ему
избы попы

и звёзды русые
речка игрушка
и солнце лимон
разные церковки
птички, палочки
оконце лааковое
расшитое

всё побежало
побежало и ахнуло
сам я вдеваю кол в решето
б'ется в лесу фантáн фантóвич
грузди собирает
селени́м пашá
перья точат
мальчик Митя
уснул в лесу
холодно в рубашке
кидаться шишками
кожа пупырашками
буд-то гусятная
высохли мочалками
волосы под мышками
хлещет бог
бог – осиновый

áхнули бусы
бабы áхнули
радугами стонет
баба Богородица
лик её вышитый
груди глажены
веки мигнут
и опять
закроются
сукровицей кажется потеют и дохнут навозные кучи
скучно в лесу!
в дремучем невесело!
мне то старухи до печёнки скучно
мальчика Митю
в церковь
НЕСТЬ
ведьма ты ведьма
кому ты позавидовала?
месяц пúпом сел на живот!
мальчика Митю
чтоб его (!) йдола
сам я вдеваю кол в решето
сам я сижу

матыгой
ночью
жду перелесья
синего утра
и кто то меня за плечо ворбочает
тянет на улицу
мой рукав

ЗНАЮ
от сюдова
мне не поверят
мне не разбить
ключевой тиши
дедка мороз стучится в двери
месяц раскинул
в небе шалаши.
стены мои звончее пахаря
крепче жимолости в росту
крепли и крепи
и вдруг
заахала
бабы и бусы и шар на мосту
— милый голубку милой посылает —
шлёт куличий
и хлай на столе
а губы плюются
в дым кисиллями
а руки ласкаются
ниже колен

бабка пела
небу новоселье
небо полотенце!
небо уж не то!
бабка поля пшеном засеяла
сам я вдеваю кол в решето
пряжею бабкиной
месяц утонет
уши его
разольются речкою —
— там из окна
соседнего домика
бабка ему
махнула ручкою —

ВСЁ

*Школа
Взирь Зауми
Даниил Хармс
<1926>*

14. «в репей закутаная лошадь...»

в репей закутаная лошадь
как репа из носу валилась
к утру лиш отперли конюшни
так заповедал сам Ефрейтор
Он в чистом галстук
и сквозь решётку
во рту на золоте царапин шесть
едва откинув одеяло ползает
и слышет бабушка
под фонарями свист.
И слышет бабушка ушами мягкими
как кони брызгают слюной
и как давно земля курносая
стоит горбом на трёх китах
Но вдруг Ефрейтора супруга
замрёт в объятиях упругих
Как тихо станет конь презренный
в лицо накрашенной измене
творить акафисты по кругу
и поджидать свою подругу
Но взора глаз не терпит стража

его последние слова
Как он суров и детем страшен
и в жиле бьётся кровь славян
И видит он: его голубка
лежит на грязной мостовой
и зонтик ломаный и юбку
и гребень в волосе простой
Артур любимый верно снится
в бобровой шапке утром ей
И вот уже дрожат ресницы
и ноги ходят по траве.
Я знаю бедная Наташа
концы расщелены глухой
где человек плечами дышет
и дети рождаются хулой
Там быстро щёлкает рубанок
а дни минутами летят
там пни растут. Там спит дитя.

Там бьет лесничий в барабаны.

1–2 мая 1926

15. Конец героя

Живи хвостом сухих корней
за миром брошенных творений
бросая камни в небо в воду-ль
держась пустынником поотдаль
в красе бушующих румян
хлещи отравленным ура
призыва нежный алатырь
и Бога чёрный монастырь
Шумит ребячая проказа
до девки 107-го раза
и латы воина шумят
при пухлом шопоте шулят
Сады плодов и винограда
вокруг широкая ограда
мелькает девушка в окне.
Софокл вдруг подходит к ней
Не мучь передника рукою
и цвет волос своих не мучь
твоя рука жару прогонит
и дядька вынорнит из туч
и вмиг разбившись на матрасе
восстанет молод и прекрасен
и стоком бережных имян
как водолей пронзит меня
Сухое дерево ломалось
она в окне своём пугалась
бросала стражу и дозор
и щёки красила в позор
уж день вертелся в двери эти
шуты плясали в оперете
и ловкий крик блестящих дам
кричал: я честь свою отдам!
Под стук и лепет колотушек
Дитя свечу свою потушит
Потом идёт в леса укропа
В куриный дом и бабий ропот
крутя усы бежит полковник
минутной храбростью кичась
Сударыня я ваш поклонник
Скажите мне который час?
Она же взяв часы тугие
и не взирая на него

не слышет жалобы другие
повелевает выйти вон.
А я под знаменем в бою
плюю в колодец и пою:
Пусть ветер палубу колышет
но ветра стык моряк не слышет
Пусть дева плачет о зиме
и молоко даёт змее
Я окрестясь сухим приветом
стелю кровать себе при этом
бросая в небо дерзкий глас
и проходя четвёртый класс.
из леса выпрогнит метёлка
Умрёт в углу моя светёлка
Восстанет мёртвый на помост
с блином во рту промчится пост
Как жнец над пряхою не дышет
Как пряха нож вздымает выше
Не слышу я и не гляжу
как пёс под знаменем лежу
Но виден мне конец героя
глаза распухшие от крови
могилу с именем попа
и звон копающих лопат.
и виден мне келейник ровный
упряжка скучная и дровни
Ковёр раскинутых саней
лихая кичка: поскорей!
конец не так моя Розалья
пройдя всего лишь жизни треть
его схватили и связали
а дальше я не стал смотреть
и з<a>потев в могучем росте
всегда ликующий такой
никто не скажет и не спросит
и не помянет за упокой.

2 мая 1926

16. Казачья смерть

Бежала лошадь очень быстро
ее хозяин турондул
Но вот уже Елагин остров
им путь собой перегородил.
Возница тут же запыхавшись
снял тулуп и лег в кровать,
четыре ночи спал обнявшись

Его хотели покарать.
Но он вскочил недавно спящий
наскоро запер письменный ящик
и не терпя позора фальши
через минуту ехал дальше
Бежала лошадь очень быстро
Казалось нет ее конца
Вдруг прозвучал пустынный выстрел
поймав телегу и бойца.
Кто стреляет в эту пору?
Спросил потусторонний страж
седок и лошадь мчатся в прорубь
их головы обьяла дрожь,
их туловища были с дыркой.
Мечтал скакун. Хозяин фыркал,
внемля бляяню овцы
держа телегу под уздцы.
Он был уже немного скучный,
так не ожидаю умерев
Пред ним кафтан благополучный
лежал местами прогорев.
Скакали день и ночь гусары
перекликались от тоски.
Карета плавала. Рессоры
ломались поперек доски.
Но вот седок ее убогий
ожил быстро как олень
перескочил на брег пологий
А дальше прыгнуть было лень.
О как < >¹² эта местность
подумал он смолчав
К нему уже со всей окрестности
несли седеющих волчат
Петроний встал под эти сосны
Я лих и нет пощады вам —
звучал его привет не сносный
телега ехала к дровам.
В ту пору выстрелом не тронут
возница голову склонил
Пусть живут себе тритоны
он небеса о том молил.
Его лошадка и тележка
Стучала мимо дачных мест
А легкоперое колешко
высказывало свой протест.
Не ездая бы ты мужик
в этот сумрачный огород

¹² Пропуск в источнике текста. – Сост.

вон колено твоё дрожит
Ты сам дрожишь на оборот
Ты убит в четыре места
Под угрозой топора
Кличет на ветру невеста
Ей тоже умерать пора.
Она завертывается в полотна
и раз два три молчит как пень.

Но тут вошел гусар болотный
и промолчал он был слепень
Потом вскочил на эту лошадь
и уехал на бекрень.
Ему вдогонку пуля выла
он скакал закрыв глаза
все завертелось и уплыло
как муравей и стрекоза.
Бежала лошадь очень быстро
гусар качался на седле.
Там в перемешку дождик прыскал
избушка тухнула в селе
их путь лежал немного криво
уж понедельник не ступил
— мне мешает эта грива
казак нечаянно говорил.

Он был убит и уничтожен
Потом в железный ящик вложен
и как-то утричком весной
был похоронен под сосной
Прощай казак турецкий воин
мы печалимся и воем
нам эту смерть не пережить
Тут под сосной казак лежит.

ВСЁ

19–20 октября 1926

17. «друг за другом шёл народ...»

друг за другом шёл народ
ужимки тая в лице звериные
он шёл все прямо потом наоборот
летели поля необозримые

там где зелёный косогор
река поворачивала круто

был народ как пуля скор
и невинен был как утро
еще пройдя с полсотни вёрст
кто то крикнул: «земля».
кто то сразу вытянул перст
но дальше итти было нельзя.
уж над людьми колыхалась ночь

проплывало миллион годин
уж не шагом они а в скочь
торапились как один
и ещё прошло 20 лет
все умерли как по заказу
<1 ст. нрзб.>
им с двух сторон по глазу

3 ноября <1926>

18. Ответ Н. З. и Е. В.

мы спешим на этот зов
эти стоны этих сов
э<т>их отроков послушных
в шлемах памятных и душных
не сменяем колпака
этой осенью пока
на колпак остроконечный
со звездой поперечной
с пятилучною звездой
с верхоконною ездою.
и два воина глядели
ждите нас в конце недели
чай лишь утренний сольют
мы приедем под салют.

*Д. Х.
15 ноября <1926>*

19. Случай на железной дороге

как-то бабушка махнула
и сейчас же паровоз
детям подал и сказал
пейте кашу и сундук.
утром дети шли назад.
сели дети на забор
и сказали: вороной

поработый я не буду
маша тоже не такая
как хотите может быть
мы залижем и писочек
то что небо выразило.
вылезайте на вогзал
здравствуй здравствуй Грузия

как нам выйти из неё
мимо этого большого
не забора. ах вы дети
выросла палеандра
и влетая на вагоны
перемыла не того
что налива с перепугу
оградил семью волами
вынул деньги из кармана
деньги серые в лице

Ну так вот. а дальше прели
всё супа – сказала тетя
всё чижи – ск<a>зал покойник
даже тело опустилось
и чирикала любезно
но зато немного скучно
и как будто бы назад
дети слушали обедню
надевая на плечо —
мышка бегала в передник
раздирая два плеча
а грузинка на пороге
все твертила. – а грузин
перегнувшись под горою
шарил пальцами в грязи.

<1926>

20. Пророк с Аничкиного моста

Где скакуны поводья рвут
согнув хребты мостами
пророк дерзает вниз ко рву
сойти прохладными устами.
О непокорный! что же ты
глядишь на взмыленную воду?
Теребит буря твой хохол
потом щеку облобызает.
Тебя девический обман

не веселит. Мечты бесскладно
придут порой. Веслом о берег
стукнет всадник.
Уж пуст – челнок.
Уж тучен – гребень.
И, тщетно требуя поймать
в реке сапог, рыдает мать.
Ей девочка приносит завтрак
бутылку молока и сыр.
А в сумке прячет на завтра
его красивые усы.
В трактире кончилась попойка
Заря повисла над мостом.
Фома ненужную копейку
бросает в воду. Ночь прошла.
И девочка снимает платье,
кольцо и головной убор,
свистит как я в четыре пальца
и прыгает через забор.
Ищи! Никто тебе помехой
не встанет на пути своем.
Она ушла, а он уехал
и вновь вернулись вдвоем.
Как загорели щеки их!
Как взгляд послушный вдруг притих!
За ними горница пуста.
И растворились их уста:
– Мы плыли ночью. Было тихо.
Я пела песню, Милый греб.
Но вдруг ныряет тигр плавающий
пред нашей лодкой поперек.
Я огляделась вокруг. Фонтанка
проснувшись знаменье творит.
За полночь звякают стаканы.
Мой брат стучится: отвори!
Всю ночь катались волны мимо.
Купался зверь. Пустела даль.
бежали дети. А за нами
несли корону и медаль.
И вот, где кони рвут поводья,
согнув хребты сбегает вниз,
ноздрями красными поводят
и бьют копытом седока, —
мы голос ласковый слышали.
Земля вертелась в голос тот.
И гром и буря утихали
и платье сохло на ветру
И волчьим шагом оступаясь
на мост восходит горд и лих

пророк. А мы не плыли дальше
на брег скакая женихом.

ВСЁ

1926 года

21. Скупость

Люди спят
урлы-мурлы
над людьми
парят орлы.
Люди спят
и ночь пуста
сторож ходит вокруг куста.
Сторож он
не то что ты,
сон блудливый
как мечты,
сон ленивый как перелёт
руки длинные как переплёт.

Друг за другом люди спят
все укрылися до пят.
Мы давно покоя рыщем.
Дым стоит над их желищем.

Голубь турмань вьёт гнездо,
подъезжал к крыльцу ездок,
пыхот слышался машин,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.